

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

РЕЛИГИОЗНЫЙ УКЛАД ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

Часть 3

ПОХОРОНЫ

Описание похорон, изложенное английской гувернанткой Элизабет Джастис, как и прежде, носит поверхностный характер; тем не менее любопытно оно тем, что позволяет выявить тот уровень понимания православных традиций, какой был у простой иностранки, прибывшей в Россию из протестантской страны. «Я не видела похорон, пока не пробыла там два года, хотя и жила в очень населенной части города и близко от двора, — сообщает Элизабет Джастис. — И в тот день я не видела ничего, кроме необычного света. Подойдя узнать, что это такое, обнаружила, что это многочисленные факелы: их среди бела дня несли перед телом. Я сочла это в высшей степени абсурдным. Но человек, в чьей компании я была, рассказал мне, что русские кладут в гроб, а это еще более абсурдно: туда кладут пару башмаков, несколько свечей и пропуск. Последний — чтобы покойника впустили, но я не знаю куда. Полагаю, русские считают, будто существуют несколько степеней счастья, ибо такой пропуск можно купить в лавке или на рынке, и его действенность зависит от цены. Раз в году все вдовы приходят плакать на могилах своих мужей и усердно молиться за упокой их душ скорым вступлением в святое царство»¹.

Упоминание о «пропуске» для покойника, о котором сообщает простодушная англичанка, встречается и в некоторых других сочинениях иностранцев, бывавших в Петербурге. И это — несмотря на то, что еще в начале XVIII века датский посланник при Петре I Юст Юль выявил несуразность данного мнения. Вот что пишет по этому поводу датский автор: «Когда отпевание закончилось, под руку покойного была подложена записка с обозначением его имени, возраста, звания, дня его смерти и того, что все грехи ему отпущены по власти, данной священнослужителям, разрешать и вязать. Такая записка кладется в гроб не в качестве паспорта для пропуска покойника в рай, как ошибочно утверждают в своих описаниях почти все путешественники по России, а для того, чтобы в случае, если откопают какое-либо неистлевшее тело, можно было узнать (из этой записки), что похоронен христианин и кто он такой»².

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Джастис Э. Три года в Петербурге // Нева, 1988, № 5. С. 203.

² Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1900. С. 234.

Однако вернемся снова к запискам Элизабет Джастис. Завершая описание жизненного пути православных петербуржцев, она упоминает о древней традиции молитв за умерших. «В религии русских есть еще одна примечательная особенность — обряды в церквах за упокой душ. Душу императора Петра они поминают каждый вечер и каждый день в монастыре, находящемся приблизительно в двух милях от Петербурга³. Если умирает какая-либо знатная особа, они делают то же самое в течение одного года и одного дня»⁴.

Карл Рейнхольд Берк упоминает о местах захоронения как иностранцев, живших в Санкт-Петербурге, так и местных жителей. Он пишет о «расположенной на материке церкви Самсона, где немцы и вообще все люди, исповедующие не русскую веру, имеют рядом с нею свое кладбище»⁵.

Здесь речь идет о каменном соборе Св. Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне (заложено в 1728-м и освящено в 1733-м или 1740 году), который построили вместо обветшавшей деревянной церкви, заложеной Петром I в 1710 году в память о Полтавской победе — она была одержана 27 июня, в день св. Сампсония. Инославное кладбище, которое называли «у Сампсона», находилось ближе к Большой Неве от собора. (Об этом кладбище упоминает и Антиох Кантемир в своих записках, относящихся к 1738 году: «За Петербургским островом расположен так называемый Аптекарский остров, на котором находятся достойный восхищения Медицинский сад и Сампсоньевское кладбище, где погребают всех немцев и других христиан, не принадлежащих к русской Церкви»⁶.)

«У русских же есть несколько мест, особенно у деревни Ямской, расположенной на Ингерманландской стороне в двух верстах от города⁷, где они хоронят своих покойников, — продолжает К.-Р. Берк. — Наверно, для их мирного упокоения священники там, как и в других местах государства, иногда приходят совершить мессу. Вообще, в каждом большом русском городе есть яма, куда бросают не только найденные на улицах трупы, но и всех умерших от распутства или некрещеными»⁸.

В послепетровскую эпоху, как и прежде, в Петербурге селилось много иностранцев; одним из них был датчанин Педер фон Хавен, прибывший в город на Неве в 1736 году. В его книге «Путешествие по России», наряду с обычным описанием российской столицы, помещены такие главы, как «Посты», «Праздничные дни», «Крестины», «Масленица». О православных похоронах Педер фон Хавен сообщает следующее: «Обычно похороны и проводы умершего простолюдина не производят большого впечатления. Правда, тех, кто сколько-нибудь благороден, все еще по старому обычаю, хотя и вопреки установлению императора Петра Первого, сопровождают плакальщицы, которые должны плакать, провожая покойного. Однако я часто наблюдал, как лишь два парня приходили с телом, неся его на доске почти совершенно нагое и на плечах примерно так же, как носят муку к пекарю. Либо же в лучшем случае в выдолбленном

³ Имеется в виду Александро-Невский монастырь (с 1797 года — лавра).

⁴ Джастис Э. Указ. соч. С. 203.

⁵ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 128. «Тело камергера фон Бера, погребенное в апреле 1736 года на немецком кладбище, было первым, которое положили в землю в пределах города. Получат ли подобное разрешение и другие, покажет, вероятно, время» (примеч. К.-Р. Берка).

⁶ Кантемир А. Д. Описание Кронштадта и Петербурга // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 461.

⁷ Упомянута Московская Ямская слобода на московской дороге.

⁸ Берк Карл Рейнхольд. Указ. соч. С. 128.

бревне, если покойный был сколько-нибудь благородным человеком. При этом не было никакого сопровождения или церемонии»⁹.

«Однажды два парня в обычной рабочей одежде так притащили тело, — продолжает датский автор. — Но, словно путь показался им слишком долгим, положили в конце концов тело в пустынном месте на берегу реки, забросали его землей, а поскольку голова высовывалась из-под земли, они сломали шею и наконец с большим трудом зарыли ее в землю. На следующий день они снова пришли туда и понесли тело дальше на кладбище. Это собственными глазами с большим удивлением наблюдал некий благородный человек в местности, где он жил»¹⁰.

А вот как хоронили в Петербурге знатных вельмож. 6 июля 1720 года скончался князь Яков Федорович Долгорукий, сенатор при Петре I, с 1714 года — председатель «ревизион-коллегии». Интересно, что в юности он получил хорошее образование под руководством польского наставника, и вот после его кончины дом покойного посетили члены польского посольства, отправленные королем Августом II в Россию для рассмотрения курляндского вопроса. По сообщению одного из членов посольства, у гроба усопшего «немало было митрополитов, епископов, архимандритов и разного другого высшего духовенства... Посол выразил соболезнование архиерею Стефану (Яворскому)... После обычных отпеваний духовенство направилось с гробом, по старшинству — на конце уже младшие; не так, как у нас, что епископ идет после всех. Один взял святую икону, чтобы отдать ее в монастырь, — такой здесь обычай после каждого покойника»¹¹.

К 1733 году относятся записки Фрэнсиса Дэшвуда (1708—1781), присутствовавшего на похоронах знатной особы. «Кончина герцогини Мекленбургской предоставила мне возможность увидеть очень пышные похороны, на которых приблизительно шесть тысяч человек вошли в стены монастыря св. Александра: гренадеры пехотной гвардии, кадеты, купечество всех наций и дворянство, затем хор певчих (на все голоса, русская Церковь никогда не использует никаких музыкальных инструментов) предшествовали телу, которое везли под балдахин, — вспоминал английский автор. — Затем следовала принцесса Елизавета¹², ее вели маршал Миних и канцлер¹³. Далее следовали под вуалями все дамы двора. На протяжении шести недель постоянно день и ночь совершались молебны, и все это время [у гроба] бодрствовали дамы и господа — по восемь или десять тех и других. По утверждению священников, это делается, дабы из тела изгнать дьявола. Мы выслушали превосходную (как мне сказали) проповедь архиепископа Казанского¹⁴; после обедни во время крестного хода вокруг церкви каждую минуту выпаливала пушка»¹⁵.

Интересные сведения о похоронах содержатся в сочинении Иоганна Готлиба Георги, профессора Императорской Академии наук по кафедре натуральной истории и химии. Он родился в 1729 году в Померании в семье пастора, в 1770 году приехал в Россию и жил здесь вплоть до самой своей кончины, последовавшей в 1802 году. Его перу

⁹ Цит. по: Беспятых Ю. Н., Сухачев Н. Л. Петербургский быт в России XVIII века // Петербург и губерния. Л., 1989. С. 57.

¹⁰ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 324.

¹¹ Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца // Русская старина, 1879. Т. 25. С. 284.

¹² Елизавета Петровна (1709—1761/62), цесаревна, вторая дочь Петра I и Екатерины I, впоследствии российская императрица (с 1741).

¹³ Гаврила Иванович Головкин.

¹⁴ Илларион, Иларион (Рогалевский, ум. 1742).

¹⁵ Дэшвуд Фрэнсис. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 67.

принадлежит трактат под названием «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях онога». Вот что говорится в этой книге о похоронных традициях в столице Российской империи: «В то время, когда тела погребаемы бывали в церквах, отпевание усопших производилось в самых тех церквах, — пишет немецкий автор. — Теперь же, выключая одних токмо царских гробниц, в Петропавловской и Александроневской церквах почивающих, и тел, погребаемых на кладбище монастыря святого Александра Невского, происходят все погребения вне города, при определенных нарочно для того церквах у Волковой деревни за Ямской частью, у Охты, близ церкви Сампсония Странноприимца в Выборгской части и на Васильевском острове также вне города. Здесь, у Волковой деревни и Тентулы, погребаются также и иноверцы»¹⁶.

**Похороны графа Павла Ивановича Ягужинского (17 апреля 1736 г.)
(Берк Карл Рейнгольд. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург
Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 128–130)**

О похоронах в России высоких господ можно составить себе представление по похоронам кабинет-министра и генерал-аншефа графа Павла Ягужинского¹⁷, состоявшихся 17 апреля 1736 года. Процессия из С.-Петербурга к Невскому монастырю была следующей.

1) Рота конной гвардии. Литавры и трубы звучали приглушенно, и офицеры держали шпаги подмышкой.

2) Ингерманландский и Невский пехотные полки с опущенными знаменами и оружием. Ехавшие верхами майоры имели, как и все прочие офицеры, на шпагах флер и — прошу заметить — держали их за острые концы. Музыка играла похоронные псалмы.

3) Три конных фурьера.

4) Два музыканта с приглушенно звучащими литаврами и двенадцать [музыкантов] с трубами, все пешие.

5) Два фенрика, несшие живописное изображение герба Ягужинских с флером и кисеей, которые фестонами свисали вокруг.

6) Лейтенант, несший красное военное знамя.

7) Шталмейстер, за которым вели лошадей — двух убранных радостью и пять скорбью.

8) Три маршалка, возглавлявших русское и немецкое купеческое сословие. Маршалки и все, отправлявшие при обряде какую-либо должность (даже лакеи), имели длинные трости, а с шляп свисал флер.

9) Два маршалка с восьмым классом русского дворянства. Этот класс состоял из младших офицеров и чиновников коллегий. Ни они, ни шедшее впереди купеческое сословие не имели длинных тростей, но все остальные в процессии...¹⁸

10) Два майора в должности маршалков.

11) Рыцарь радости, весь с головы до пят в посеребренных доспехах и с обнаженной шпагой в руке. На его шлеме, а также на голове и ляжках лошади были красные султаны.

12) Фенрик с белым знаменем, на котором был вензель графа.

13) Разубранная лошадь радости.

14) Рыцарь скорби, весь в зачерненных доспехах, он шел со шпагой, направленной острием к ногам.

¹⁶ Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях онога. СПб., 1794. С. 274.

¹⁷ Ягужинский Павел Иванович (1683–1736), российский государственный деятель и дипломат.

¹⁸ Далее — явный пропуск нескольких слов в рукописи.

15) Фенрик с черным знаменем.

16) Лошадь скорби, покрытая черным. Все лошади скорби в процессии имели герб и вензель Р. Ж., нарисованный на листе, который был укреплен сбоку на попоне.

17) 30 церковных певчих. Они и все духовные лица держали в руках восковые свечи, которые, правда, не горели, так как было ветрено.

18) Два полковника, которые были маршалками.

19) Русское духовенство: архиереи, архимандриты и протопопы; все в наилучших одеяниях, часть из них — с кадилами в руках.

20) Три маршалка, из которых один был бригадир, а двое — полковники.

21) Два бригадира, два полковника и два майора, несшие на бархатных подушках рыцарские знаки, а именно: 1) шлем, 2) перчатки, 3) шпоры. Все это серебряное или посеребренное; 4) лента и звезда ордена Св. Александра Невского, 5) Большая цепь и звезда ордена Св. Андрея¹⁹, 6) начальственный жезл из позолоченного серебра.

22) Три бригадира-маршалка.

23) Четырнадцать кадетов, они волокли покрытые флером партазаны²⁰.

24) Катафалк, влекомый шестью лошадьми скорби, гроб на нем был под черным бархатным покрывалом с большим белым атласным крестом, а в углу — герб и вензель. Мне сказали, что покойный был облачен в роскошнейшее парадное одеяние, а если бы он при своей кончине имел полк, то его бы облачили в мундир. Над гробом был черный полог, украшенный серебряным галуном и вышитым графским гербом²¹. Полковники, майоры, генерал-адъютанты и капитаны шли рядом, держась за шнуры. По обе стороны, насколько протянулись катафалк и кадеты, шли слуги с белыми восковыми факелами, на которых были сплетены маленькие гербы и вензеля.

25) Четырнадцать кадетов, как и предыдущие [под № 23].

26) Генерал-майор в качестве маршалка с двумя адъютантами. Этот маршалок вел генерал-лейтенанта де Геннина²², — единственного присутствующего родственника покойного. Адъютанты и эти, и ехавшие верхами, имели через плечо перевязи из флера и кисеи.

27) Два бригадира в качестве маршалков. За ними следовали дворяне от первого до пятого класса, то есть высшие военные и гражданские чины. Среди них два иностранных министра, так как остальные хоть и были приглашены, но пришли лишь в дом усопшего.

28) Два маршалка с шестым и седьмым классами, состоявшими из важных чиновников коллегий.

29) Конный фурьер.

30) Запряженные шестеркой лошадей два траурных экипажа, в них находились две дочери покойного, совершенно закутанные в черное. У каждой в качестве спутницы было по даме.

31) Шествие замыкала рота конной гвардии.

На протяжении трех часов, пока процессия шествовала, ежеминутно производился пушечный выстрел — половинным зарядом, а при погребении полки, дали тройной залп. Должны были палить с крепости, но поскольку отдельные выстрелы звучат слишком мрачно, а высокие персоны редко желают видеть или слышать что либо напоминающее о смерти, то ее величество приказала установить орудия снаружи у монастыря.

¹⁹ Орден Св. Александра Невского был учрежден в 1725 году, орден Св. Андрея Первозванного — по-видимому, в 1698 году.

²⁰ Партазан, протазан — копьё с длинным древком и двумя серповидными отрогами.

²¹ На похоронах незначительных людей гроб несут открытым, если позволяет погода. Впереди идут священники, которые кадят и поют, затем родственники и вся процессия. Женщин ведут под руки, и им надлежит из уважения быть печальными (примеч. К.-Р. Берка).

²² Геннин Виллим Иванович (Георг Виллим) де (1676—1750) — артиллерист, инженер, специалист по горному делу и металлургическому производству. Голландец, в России с 1698 года.

Тело было погребено по прочтении нескольких молитв и после того, как в руку покойному вложили паспорт к [арх]ангелу Гавриилу, или церковное свидетельство о христианской кончине и о причащении святых тайн. Дочери, прощаясь с отцом, еще и поцеловали ему руку. У присутствующих вплоть до последнего солдата на шляпах был флер. Также взяли напрокат или велели сшить новые платья для участников процессии, среди которых более знатные получили золотые кольца с обозначением дня рождения и дня кончины графа Ягужинского²³.

Иеремия Позье. Кончина императрицы Елизаветы Петровны (1761 г.)

О кончине императрицы Елизаветы Петровны пишет швейцарский автор Иеремия Позье (1716—1779), подвизавшийся в Санкт-Петербурге в 1761—1765 годах в качестве придворного ювелира.

<...> Я отправился в парадную залу и увидел добрую государыню в большой зале, освещенной шестью тысячами свечей, на парадном одре, окруженную печальной погребальной обстановкой. Все статс-дамы и фрейлины, составлявшие ее штат, окружали одр Елисаветы, размещенные на известном расстоянии, в глубоком трауре. Архиереи и священники в полных облачениях читали молитвы. Я подошел и стал на колени, чтобы поцеловать ее руку, как это делается в течение 6 недель до погребения, и как делают все, кто приходит прощаться с нею. Я взглянул на ее дам, которые при виде меня не могли удержаться от слез, так же, как и я сам, столько раз бывший свидетелем доброты и приветливости покойной государыни ко всем, имевшим честь приблизиться к ней²⁴.

Уильям Ричардсон²⁵. Погребение княгини Куракиной²⁶ (13 ноября 1769 г.)

В похоронных ритуалах русских существуют обстоятельства исключительного характера. И я думаю, что лучший способ рассказать, каковы они, — описать погребение княгини Куракиной, которому я сегодня был свидетелем.

Процессия началась в 10 утра на Малой Миллионной и тянулась до места погребения в монастыре святого Александра Невского, примерно в нескольких милях от С.-Петербурга. Все улицы и дороги, по которым она проходила, были усыпаны зелеными ветвями, преимущественно тисовыми. Впереди шла группа мальчиков, певших гимны и песенные части похоронной службы; за ними следовали около двадцати низших священников и прислужники высшего духовенства.

Петербургский митрополит вместе с архимандритами и другими священниками высшего ранга шли непосредственно перед катафалком. На их головах были митры, одеты они были в богатые одеяния и в своих руках несли свечи. Катафалк, который, как и в Британии, не был ничем покрыт, везли шесть лошадей. Гроб имел покров из розового бархата, серебряные украшения, но пелены сверху не было. Главные плакальщицы шли сзади, друзья и знакомые следовали далее в похоронных экипажах. Перед тем, как они достигли монастыря, митрополит оставил процессию, двигавшуюся медленно, и прошел перед ней в церковь. Там он облачился в платье

²³ Вообще на почетных похоронах все участники процессии получают также белые перчатки (примеч. К.-Р. Берка).

²⁴ Записки придворного брильянтщика Позье о пребывании его в России (1761—1762 гг.) // Русская старина, 1870, т. 1. Март. С. 202—203.

²⁵ Цит. по: Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 47—50.

²⁶ Куракина Елена Степановна (1735—1768), урожденная Апраксина, — княгиня, супруга Б. Л. Куракина (владельца Гатчинской мызы до 1764 года), обер-гофмейстериня двора. Надгробие на ее могиле, созданное лишь в 1792 году И. П. Мартосом, — признанный шедевр русской скульптуры.

по принятому в таких случаях образцу и начал службу, какую ведут перед прибытием процессии.

Когда все достигли ворот монастыря, митрополит с прислуживающими ему монахами и священниками вышел навстречу и повел их к месту погребения. Платформа в две ступени высотой, около шести футов в длину и четырех в ширину, покрытая малиновым бархатом, прошитым золотом, была устроена перед наружным выступом церкви. На нее был установлен гроб, и, неся его в церковь, все слуги покойной начали наискорбнейший плач; они заламывали руки, ударяли себя в грудь, рвали на себе волосы с такими громкими криками, что заглушили голос хористов. И в это время, те, у кого были в руках свечи, зажгли их; так же были зажжены те шесть больших восковых свечей, которые стояли вокруг покойной.

Монахи встали с одной стороны места, перед алтарем, а хористы — с другой. Митрополит сидел в кресле, покрытом бархатом, в середине церкви в окружении дьяконов и прислужников. Другие подняли крышку гроба, чтобы покрыть труп золотой пеленой с вышитым на ней серебряным крестом. И перед тем, как опустить пелену, они показали мертвое тело, покоящееся на ложе из белого сатина. Голова с непокрытым лицом и с прической из коротких волос, с богатым убором из лент, покоилась на подушке из белого сатина. Черты лица были изящны, но цвет изменился, глаза и губы сомкнуты; улыбки и милости исчезли навсегда. Тело было одето в белый сатин, и руки в белых перчатках лежали на груди.

Теперь митрополит начал мессу со всеми ритуалами пения, молитв, курения благовоний, обнесения хлебом и вином, чтения Евангелия и осенения крестом. Все это заняло много времени; кресло митрополита перенесли к изголовью гроба, и он оставался там, в то время как двенадцать персон в черных священнических одеяниях с горящими в их руках свечами расположились вокруг гроба. После окончания похоронного церемониала, действительно, очень торжественного, митрополит встал и произнес несколько слов в манере печального речитатива. Ему в той же манере ответил священник справа и другой слева и так далее все, стоявшие вокруг гроба. Это была изумительная часть церемонии и очень возвышенная.

Когда она завершилась, священник (исповедник княгини, как мне рассказали) передал митрополиту свиток бумаги, тот громко зачитал его и вернул исповеднику, который в молчании и благоговении вложил его в правую руку покойной. Священники и монахи вернулись на свои прежние места, и затем все друзья и знакомые, как мужчины, так и женщины, но преимущественно последние, с громкими стонами, рыданиями и плачами собрались вокруг мертвого тела, целовали руки и лоб и с печалью, так сильно выразившей сочувствие, прощались со своим ушедшим другом. Эта часть церемонии, включая предшествующий гимн, пропетый священниками, обозначила *Aspasmus*, или Последнее Объятие.

Когда все завершилось, что не было неожиданным, гроб был поднят, и платформа убрана и под ней обнаружился склеп, в который и опустили тело. Затем митрополит прошел вперед, произнес краткую молитву и бросил в склеп немного земли. После этого его закрыли. Плакальщицы удалились, и таким образом церемония завершилась. Мне стоит добавить, что процессия была чрезмерна, а плач такой громкий, что совершенно разрушил приятную меланхолию и возвышенные мысли, которые порождают подобные церемонии. Я, однако, был так очарован произнесенным гимном во время Последнего Объятия, что постараюсь заполучить его перевод²⁷.

Э. Виге-Лебрен²⁸. Кончина и похороны Екатерины II; перезахоронение Петра III (1796 г.)

...Россия вскоре лишилась своей императрицы. В последнее воскресенье перед ее кончиною утром после мессы я приехала представить ей портрет великой княгини

²⁷ Гимн вошел целиком в XXI письмо, которое здесь не приводится.

²⁸ Виге-Лебрен Э. Воспоминания о пребывании в Санкт-Петербурге и Москве 1795–1801 гг. СПб., 2004. С. 72–74.

Елизаветы. Она подошла ко мне с похвалами и сказала: «У меня требуют, чтобы вы непременно написали мой портрет, хотя я уже изрядно стара; но раз все этого хотят, я дам первый сеанс сегодня в восемь». На следующий четверг она не позвонила, как всегда, в восемь часов. Ждали до десяти и еще некоторое время; наконец первая камеристка вошла к ней. Не найдя императрицы в комнате, она пошла в клозет гардероба, и когда отворила дверь, тело императрицы повалилось наземь. Невозможно сказать, в каком часу постиг ее сей апоплексический удар, тем не менее сердце ее еще билось, и надежда, хоть и слабая, все же оставалась. За всю мою жизнь не приходилось мне видеть столь всеобщей и скоропостижной тревоги. Что касается меня самой, то при ужасном сем известии я испытывала не только скорбь, но и страх, как бы дочь моя, еще не оправившаяся от болезни, не заметила моего состояния.

К вечеру Павел прибыл из окрестностей Санкт-Петербурга, где имел почти постоянное свое пребывание. При виде матери, распростертой без признаков жизни, природные чувства на какое-то мгновение возобладали в нем; приблизившись к императрице, он поцеловал ее руку, и на глазах его появились слезы. Наконец, 17 ноября 1796 года, в девять часов вечера Екатерина II скончалась. Граф Кобенцль, присутствовавший при последнем ее вздохе, сразу же принес нам сие известие.

Признаюсь, что я уходила от княгини Долгорукой с превеликим страхом, ибо все говорили, что воспоследует возмущение противу Павла. Возвратившись домой, увидела я на Дворцовой площади огромную толпу, один вид которой не мог утишить мое волнение. Однако все собравшиеся были спокойны, и я по справедливости рассудила, что опасаться пока еще нечего. С утра следующего дня народ снова собрался на площади под окнами Екатерины и душераздирающими воплями изъявлял свое горе. Старцы, молодые, даже сущие дети призывали свою Матушку и с рыданиями восклицали, что теперь для них все потеряно.

Тело императрицы шесть недель оставалось в большой зале дворца, освещенной днем и ночью и великолепно украшенной. Екатерина лежала с открытым лицом на парадной постели в окружении гербов всех городов Империи. Все дамы, из коих некоторые меняли друг друга на дежурстве у гроба, целовали ее руку или, быть может, только показывали видимость сего. Что касается меня, то, никогда не целовав эту руку при жизни, я не хотела делать сего и теперь и даже старалась не смотреть на лицо, дабы не осталось оно у меня в памяти в таковом виде.

Сразу же по кончине матери Павел приказал извлечь тело отца своего, Петра III, уже тридцать пять лет покоившееся в Александро-Невском монастыре. В гробу обнаружилось только кости и манжета от мундира. Павел повелел, чтобы сим останкам были отданы те же почести, что и Екатерине II. Их поставили в Казанский церкви при карауле из старых офицеров, оставшихся верными Петру III, коих его сын сразу же возвратил в столицу, осыпав почестями и милостями.

Во время похорон гроб Петра III, на котором была поставлена корона, везли в крепость перед гробом Екатерины II. Павел пожелал унижить хотя бы прах матери. Я наблюдала в окно за сей зловещей церемонией, подобно тому как смотрят театральное представление из первых лож. Перед гробом императора шествовал кавалергардский офицер, с головы до ног облаченный в позолоченные латы, а на другом офицере, перед гробом императрицы, латы были только железные²⁹.

Сын Петра III заставил убийц отца своего³⁰ нести концы гробового покрывала. Сам Павел шел пешком вслед за похоронным кортежем с обнаженной головой. За ним следовала супруга его и весь многочисленный двор в глубоком трауре. На дамах были длинные платья со шлейфами и большие черные вуали. Им пришлось идти по снегу при ужасном морозе до крепости³¹, весьма далеко отстоящей на дру-

²⁹ Офицер, шедший в золотых латах, умер от усталости (примеч. Виж-Лебрен).

³⁰ По приказу императора Павла I участники заговора 1762 года — Федор Барятинский и Алексей Орлов — сопровождали гроб Петра III во время церемонии похорон.

³¹ Все российские государи похоронены в крепости. Гробница Петра I имеет вид наипростейший в свете (примеч. Виж-Лебрен).

гом берегу Невы. По возвращении некоторые дамы были чуть ли не при смерти от усталости и холода.

Траур продолжался шесть месяцев. Женщины не делали причесок, что отнюдь не украшало их; впрочем, незначительная сия неприятность мало что значила по сравнению с тем живейшим беспокойством, каковое смерть Екатерины породила во всей империи.

Э. Виже-Лебрен³². Кончина Павла I (1801 г.)

...Пятеро заговорщиков решились на покушение, в их числе и Платон Зубов, бывший фаворит Екатерины, коего Павел осыпал милостями после возвращения его из ссылки. Они явились в спальню императора; двое часовых, стоявших у дверей, хотели помешать им, но безуспешно, один из них был убит³³. При виде сих безумцев, бросившихся на него, Павел поднялся; он обладал изрядною силою и долго боролся с убийцами, коим все-таки удалось удавить его. Несчастный кричал: «И вы, Зубов, а ведь я почитал вас своим другом!» С этими словами Павел испустил дух.

Похоже, судьбе было угодно соединить все обстоятельства в пользу заговорщиков. Командир полка, который был приведен к дворцу, знал о заговоре, но полагал, что дело идет о предотвращении покушения на жизнь императора. К несчастью, приход полка не разбудил Павла, равно как и карканье ворон, спавших на крыше. Если бы он проснулся, то успел бы спастись по тайной лестнице к приятельнице своей, некоей г-же Нарышкиной, коей он всецело доверял; от нее он мог бы достичь небольшого суденышка, стоявшего постоянно на канале возле Михайловского дворца. Из-за недоверия Павла к жене обе двери, разделявшие его спальню и ее покои, заперлись ключом на два оборота, и когда он кинулся к ним, было уже поздно. <...>

Хотя различные препятствия могли помешать преступникам, заговорщики тем не менее не сомневались в своем успехе. В тот вечер один из них, некто С...кий, будучи среди многочисленного общества, в полночь достал часы и сказал: «Должно быть, уже все кончено!» И действительно, Павел был мертв. Тело его набальзамировали, и в течение шести недель оно покоилось на траурном ложе для всеобщего обозрения с открытым, хотя и нарумяненным для сокрытия следов насилия, лицом. Вдова его каждый день на коленях молилась у тела и приводила с собой обоих младших сыновей, Николая и Михаила, еще совершенных детей. Николай однажды спросил ее: «Почему папá не просыпается?»

Франсуа Ансело. Похороны императрицы Елизаветы Алексеевны (1826 г.)

14 июня 1826 года в Петербурге состоялись похороны императрицы Елизаветы Алексеевны (1779–1826), скончавшейся 4 мая. Описание траурной процессии и церемонии похорон излагает Франсуа Ансело³⁴.

Пушка Петропавловской крепости известила меня о въезде в Петербург траурного кортежа императрицы Елизаветы. Я отправился на набережную, нанял одну из элегантных лодок, в изобилии покрывающих поверхность Невы в это время года, и, качаясь на прозрачных волнах, мог беспрепятственно наблюдать за движением кортежа в крепость через огромный наплавной мост. Мост этот, возможно, самый красивый в Европе, ведет от крепости к площади, где высится бронзовая статуя Суворова, и примечателен как своей протяженностью, так и элегантностью чугунных перил. Всегда заполненный множеством всевозможных экипажей, с идущими по широкому тротуарам пешеходами, он являет собой любопытнейшую, постоянно ме-

³² Виже-Лебрен Э. Воспоминания о пребывании в Санкт-Петербурге и Москве 1795–1801 гг. СПб., 2004. С. 122–123.

³³ Впоследствии императрица Мария Федоровна взяла второго к себе на службу (примеч. Виже-Лебрен).

³⁴ Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 58–61.

няющуюся картину, которую в каждое мгновение обновляют разнообразные сочетания костюмов и карет. Однако обычное оживление, которому он служит подмостками, сменилось сегодня траурным молчанием. Кorteж, медленно двигавшийся через толпу зрителей всех сословий, под звон колоколов всех церквей и ежеминутный артиллерийский салют, прошел по мосту в следующем порядке.

Церемониймейстер на коне, с черно-белой перевязью; за ним рота гвардейского Преображенского полка; служащий императорских конюшен в мундире с траурным крепом; маршал Двора в черной мантии и шляпе с опущенными полями; кавалергарды и конногвардейцы с литаврами и трубами; сорок ливрейных лакеев, четверо скороходов, восемь камер-лакеев, восемь придворных, наконец, гофмейстер пажеский, следующий за шестнадцатью пажами и четырьмя камер-пажами и замыкающий первую часть процессии.

Вскоре в воздухе затрепетали флаги провинций и всех губерний империи; каждый из шестидесяти двух флагов нес офицер, сопровождаемый двумя ассистентами; за этими знаменами следовал, возвышаясь над ними, черный шелковый штандарт с гербом России.

Затем вперед вышел латник в черных доспехах с опущенным вниз обнаженным мечом. Но здесь траур corteжа смешался на мгновение с пышностью придворных празднеств: двенадцать гвардейских гусар во главе с офицером прошли перед парадной каретой, увенчанной императорской короной и запряженной восьмеркой лошадей в праздничной упряжи, в сопровождении восьмерых стременных; держась за дверцу кареты, шел шталмейстер, с каждой стороны два лакея, а за ними четверо стременных верхами. Все эти люди в ярких мундирах и великолепных ливреях, казалось, снова провожают на праздник сияющую колесницу, которую смерть лишила ее главного украшения.

Мимолетно, как символизируемое ею земное величие, карета эта пронеслась передо мной, и черные мантии и фетровые шляпы с длинным крепом снова вернули corteжу траурный вид, какого требовала печальная церемония. Гофмаршал в мундире со знаками траура шел перед гербами великих княжеств Баденского, Шлезвиг-Гольштейнского, Таврического, Сибирского, Финляндского, Польского, Астраханского, Казанского, Новгородского, Владимирского, Киевского и Московского; щиты с гербами несли чиновники шестого класса дворянства в сопровождении двух ассистентов; далее, за четырьмя генералами, следовал большой герб империи; его несли два генерал-майора и два полковника, ассистировали два старших офицера.

Церемониймейстер на коне вскоре открыл дорогу сословию ямщиков. Они были одеты в национальные костюмы, а те из них, кто получил от императора почетные *кафтаны*³⁵, имели на рукаве черный креп. Далее шли старшины ремесленных цехов, по три в ряд и в сопровождении старейшин своих корпораций; перед каждым отделением развевался небольшой флаг с отличительными знаками цеха.

Сразу за ними шли представители мещанского и купеческого обществ, потом петербургский городской голова. Затем Российско-Американская компания, Экономическое и Человеколюбивое общества, Общество попечительное о тюрьмах, чиновники Императорской публичной библиотеки, Петербургского университета, Академии художеств и Академии наук; маршал совета воспитательных институтов, покровительствуемых императрицей-матерью, шел впереди воспитанников и служащих этих учреждений.

За чинами придворных контор следовали генералы, генерал-адъютанты и адъютанты императора: статс-секретари, сенаторы, министры и члены Государственного совета; воспитанницы Дома трудолюбия и тех школ, которым покровительствовала покойная императрица. Затем за двумя отрядами конной гвардии и двумя героль-

³⁵ Кафтан — длинное московитское платье, перевязанное поясом из плетеной шерсти; ремесленники Петербурга и Москвы, отличившиеся на государственной службе, получают в награду почетные кафтаны и надевают их на публичных церемониях.

дами в траурных мундирах пронесли иностранные и российские ордена и императорскую корону на подушках, покрытых золотой парчой. Наконец, появились певчие Александро-Невской лавры и вслед за ними духовенство с зажженными свечами, а затем три иконы, одну из которых нес императорский духовник, а две другие — архидиаконы и священники Двора.

Едва успел я рассмотреть этих священников, чьи длинные волосы и бороды развевал ветер, как мой взгляд привлек траурный катафалк с телом покойной императрицы: штанги, на которых покоился балдахин, держали четверо камергеров, шнуры и кисти — придворные, кисти траурного савана — двое камергеров, а с двух сторон колесницы шли дамы ордена св. Екатерины³⁶ и фрейлины, провожая свою императрицу в последний путь; шестьдесят пажей с факелами окружали экипаж, а восемь придворных вели лошадей.

И тогда показался император, в траурной мантии и шляпе с опущенными полями; он шел в сопровождении великого князя Михаила, начальника Генерального штаба, военного министра, инспектора инженерного корпуса, генерал-квартирмейстера и дежурного генерала; затем траурная карета с царствующей императрицей и юным наследником престола. На некотором расстоянии и с двух сторон от императора и императорской фамилии двигались двадцать четыре гвардейских подпрапорщика.

За герцогом Вюртембергским, его двумя сыновьями и дочерью прошли пешком две Имеретинские царицы, Мингрельская правительница, все фрейлины двора, все дамы, состоявшие на службе у покойной императрицы, а замыкала процессию рота Семеновского полка. Кorteж, останавливавшийся перед всеми церквями, встречавшимися на его пути, прошел перед статуей Суворова, и этот воин, в одной руке держащий меч, а другую протянувший к крепости, казалось, брал под свою защиту прах царицы, чью империю защищал столько лет.

Я поспешил в Петропавловский собор, где для меня было оставлено место, и мог наблюдать заупокойную службу. Саркофаг, снятый с траурной колесницы, был водружен на великолепный катафалк, приготовленный в середине церкви. Служил митрополит, и как только были прочитаны заупокойные молитвы, все члены императорского дома подошли проститься с той, чьи добродетели украшали корону. Когда последний долг был исполнен, гроб сняли с катафалка, и митрополит со священниками проводили его к могиле, куда его и опустили под тройной ружейный залп и общий залп всех пушек крепости.

Современник Франсуа Ансело — Мармон, — писал о похоронах Елизаветы Алексеевны следующее: «Взвезение тела покойной государыни в Санкт-Петербург было обставлено с величайшей торжественностью. Император, императрицы встретили ее у заставы и пешком проводили до крепостной церкви, усыпальницы русских государей, начиная с Петра I. Процессия была огромна и составила более лье в длину. Описать ее мне не под силу. Ни в какой другой стране подобные церемонии не носят ни столь пышного, ни столь религиозного характера.

На церемонию был приглашен и дипломатический корпус, и все мы отправились в церковь на отпевание и погребение. Церковь мала и неприглядна, построена так же недавно, как и сам город. Возведена она на таком низком месте и так близко к воде, что кажется, может быть разрушена в любой момент. Воспоминания о прошедших веках, которые так красноречиво говорят о вечности, здесь отсутствуют. Бранные останки правителей великой империи, захороненные в столь новом вместилище, свидетельствуют о том, как молода политика этой нации — что, в некотором смысле, умаляет достоинство сей державы. Насколько уместнее было бы хоронить императоров в Москве! Древний город, истинная столица, влияние которой ощуща-

³⁶ Орден Св. Екатерины-великомученицы, или орден Освобождения, — дамский орден, учрежденный Петром I в 1714 году в день тезоименитства царицы Екатерины Алексеевны, в память Прутского похода (1711) против турок.

ется и в Европе, и в Азии. Старый Кремль и старые могилы в самом древнем храме царской резиденции!»³⁷

Хуан Валера. Похороны графа Григория Строганова. Петербург, 26 января 1857 года³⁸

Смерть графа Григория Строганова, члена Государственного Совета и одного из самых почитаемых и любимых деятелей при дворе, да и всей России, на какое-то время опечалит высшее общество. Графа, обладавшего большими знаниями и опытом, высокими качествами характера, приятного в разговоре, чрезвычайно уважал император. Сегодня состоятся торжественные похороны графа, думаю, что на них будут присутствовать все важные лица Петербурга и сам император. Почести и отпевание проходили в знаменитом монастыре святого Александра Невского, основанном Петром Великим на том месте, где русский святой победил в давние времена шведов в великой битве. Петр Великий, чтобы прославить новый город, который он основывал, приказал перевезти на берега Волги останки святого героя и предать их земле там. По слухам, святому не пришлось по вкусу новое пристанище, и чудесным образом он вернулся на прежние места, а царь снова попросил его прийти, умоляя не трогаться с места еще раз, если он не хочет, чтобы его монахи испытывали мучения. С тех пор святой остается на месте. Правда, его обитель с каждым днем становится все приятнее. Золото, яшма, бронза, живопись, алмазы и жемчуга украшают жилище святого. Самые великие люди империи находят последнее свое пристанище здесь, чтобы быть рядом с ним; охраняют его шестьдесят монахов, таких сильных, румяных здоровяков, скорее похожих не на монахов, а на великанов. <...>

Весь дипломатический корпус, пребывающий здесь, магнаты и важные сановники двора — все были в мундирах. Сам император и великий князь Николай оказали честь своим присутствием. Во время исполнения песнопений, в которых молят Бога за душу покойного, у каждого из присутствовавших была в руках зажженная свеча. Гроб стоял посередине церкви, на катафалке, к которому поднимались ступени. Он был покрыт черной бархатной тканью, расшитой золотом. Священники окропили его святой водой и окурили благовониями, Один из них, обращаясь ко всем нам, произнес длинную речь, которую я не понял. Когда закончилось пение, началось трогательный, торжественный акт. Все родственники и друзья покойного, одетые в строгие траурные платья, со слезами на глазах или делая вид, что плачут, медленно поднялись, чтобы дотронуться до гроба и поцеловать покрывало. Гроб, как я сказал, был закрыт, и последний поцелуй вечного прощания в этом мире должен был пройти через дерево. Вокруг возвышения были возложены на соединенных по двое табуретах большие кресты, которыми ранее украшалась грудь графа во время его странствования в сей долине слез. Крестов было много, что для русских очень важно, более чем для какого-либо другого народа. Для них крест — это драгоценное украшение,

на золоте души
самый прекрасный блеск, —
как в Испании думали о крестах во времена Кальдерона.

Педер фон Хавен. Казнь в Петербурге³⁹

...Наводнением вынесло много черепов и человеческих костей до самой ограды вокруг Аптекарского сада. Их сочили останками людей, погибших в сражении, ко-

³⁷ Magmont. P. 63–64. Цит. по: Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 238–239. Примеч. 80.

³⁸ Валера Хуан. Письма из России. СПб., 2001. С. 125–128.

³⁹ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 323–324.

торое будто бы состоялось на этом острове между русскими и шведами. Это могло быть также принесено со старого немецкого кладбища, прежде располагавшегося на Аптекарском, а теперь устроенного на Сампсоньевском (Samsoe) острове⁴⁰. Одно из мест, где в Петербурге производится казнь, тоже находится на Аптекарском острове, и об этом я должен сказать вот что.

В Петербурге и во всей России смертную казнь обставляют далеко не так церемонно, как у нас или где-либо еще. Преступника обычно сопровождают к месту казни капрал с пятью-шестью солдатами, священник с двумя маленькими, одетыми в белое мальчиками, несущими по кадилу, а также лишь несколько старых женщин и детей, желающие поглядеть на сие действие. У нас похороны какого-нибудь добропорядочного бюргера часто привлекают большее внимание, нежели в России казнь величайшего преступника.

Как только пришедший с ними судебный чиновник зачитает приговор, священник осеняет осужденного крестом, осужденный сам тоже несколько раз крестится со словами «Господи, помилуй», и затем несчастный грешник предает себя в руки палача и так радостно идет навстречу смерти, словно бы на великий праздник. Палач, являющийся в сем действе главной персоной, часто исполняет свои обязанности очень неторопливо и жалостливо, как плохая кухонная девушка режет теленка. Вообще же достойно величайшего удивления то, что, как говорят, никогда не слышали и не видали, чтобы русский человек перед смертью обнаруживал тревогу и печаль. Это, без сомнения, отчасти объясняется их верой в земное предопределение и его неизбежность, а отчасти — твердым убеждением, что все русские обретут блаженство, и наконец, отчасти великими тягостями, в которых они живут в сем мире.

---

⁴⁰ Остров с таким названием неизвестен. Нет его и на планах города XVIII века.